

Мои встречи с Айзиком Платнером

(ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ)

Мы не были знакомы лично. Когда я родился, Айзик (Исаак Хаимович) Платнер досиживал в лагере последний год перед своим освобождением как антисоветчик, враг народа и американский шпион. Сталина уже три года как не было, но тень его витала над страной, оставленное наследие продолжало мучить. Потом были хрущевская «оттепель» и брежневский «застой». К концу 1980-х годов, когда Коммунистическая партия Советского Союза затеяла «перестройку», обернувшуюся самоликвидацией режима, о Платнере уже основательно забыли. Это имя помнили только уцелевшие коллеги по писательскому цеху и немногие довоенные жители республики.

Изучая еврейскую страницу истории Белоруссии, я много работал в архивах и встречался с людьми, которые после десятилетий вынужденной немоты позволили себе быть откровенными. Отказ от старых догм, развенчание ложных истин, возвращение забытых и оклеветанных героев своего времени – вот фон, на котором шла болезненная переоценка ценностей. Узлы многих судеб удалось распутать, вернуть людей из забвения. В этой связи я вспоминаю свои четыре заочные встречи с одним из самобытных идишистских поэтов и литераторов того, еще недавнего, прошлого.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ

Когда я собирал материал о судьбе еврейской секции Союза советских писателей БССР – И. Харика, З. Аксельрода, М. Кульбака и других – мне дали адрес вдовы Айзика Платнера, Доры Ильиничны (Деборы Гилельевны Платнер-Рутштейн). Наша встреча состоялась, и то, что я услышал, не могло оставить меня равнодушным.

Летом 1937 г. центральная еврейская газета «Октябрь», издававшаяся в Минске, поместила статью за подписями Изи Харика и Лазаря Кацовича, в которой Платнер подвергался необоснованной и несправедливой критике. Айзик приехал из Америки, а вокруг искали шпионов. И он стал одной из первых мишеней. Нашли ошибки и грехи, исключили из Союза писателей (хотя и с разрешением работать, но где было теперь искать работу?) Старые знакомые отвернулись, шарахались как от чумного. Еврейские писатели забеспокоились: кто следующий?

«Американский шпион», а на самом деле, талантливый еврейский поэт Айзик (Исаак) Платнер родился в семье портного в городе Соколов-Подляска, Седлецкой губернии (Польша). С 1919 по 1921 гг. он жил в Литве, потом уехал в Америку, печатался в журнале «Хаммер», в газете «Моргн Фрайхайд». Первая книга стихов, «Что день рассказывает» («Вос дер тог дерцейлт»), вышла в Нью-Йорке в 1930 г.

В период Великой депрессии 1929-1933 гг., поразившей мировую экономику, Советский Союз издавала казался раем для трудящихся. В 1932 г. Платнер посетил СССР, много ездил по стране и решил остаться в Минске. Где же еще? В течение столетий польские и белорусские евреи составляли единое целое. Минск был столицей БССР, еврейская жизнь там была ключом, на идиш работали творческие союзы, школы и вузы, музеи и театры, выходили книги. Платнера пригласили работать в еврейскую редакцию Белорусского радиокомитета, а также литературным редактором в газету «Октябрь» и журнал «Штерн». Издавались его книги. Словом, он был уважаемым человеком...

Айзик не вспоминал в кругу семьи о злополучной статье. Он был человеком мудрым и догадывался, что это была вынужденная акция. Не арестовали, а только «исключили», оставили без работы. Нужно было соблюдать правила игры. Вскоре Харик сам пришел к Платнеру: «У тебя хоть жена обеспечена, у нее есть профессия и работа (Дебора была преподавателем английского на

кафедре иностранных языков БГУ им. Лепина – Л. С.), а что будет делать моя Дина с двумя малышами?» И как в воду глядел. В сентябре 1937 г. Исаака (Изи) Давидовича Харика, члена-корреспондента АН БССР, председателя еврейской секции Союза писателей республики, главного редактора газеты «Октябрь», арестовали и вскоре расстреляли. Потом забрали и Дину Звуловну, отняли детей – и они исчезли без следа...

ВТОРАЯ ВСТРЕЧА

В 1995 г., работая в Центральном архиве КГБ в Минске с документами об убийстве Соломона Михоэlsa, я обнаружил свидетельство Ицика Фейфера о том, что именно Айзик Платнер первым усомнился в версии автокатастрофы. Смерть Михоэlsa потрясла советское еврейство. В Москву хлынул поток телеграмм соболезнований, подписанных известными деятелями, включая Альберта Эйнштейна и Марка Шагала. Газета «Правда» вышла с страшным некрологом, в котором Михоэls был назван «активным строителем советской художественной культуры», «крупным общественным деятелем, посвятившим свою жизнь служению советскому народу». Перец Маркиш в день похорон сочинил поэму «Михоэls – неугасимый светильник».

На похоронах 16 января 1948 г. в Москве Илья Эренбург многозначительно произнес, что Михоэls погиб на том месте, где уже были истреблены десятки тысяч евреев. Полина Жемчужная (жена В. М. Молотова) кивнув на покойного, прошептала: «Это было убийство». Платнер считал, что Михоэlsa убили, чтобы «снять голову с еврейской общественности».

Уже осенью 1948 г. Михоэlsa объявили еврейским националистом. Еврейский антифашистский комитет в Москве (ЕАК) распустили, а его членов отдали под суд. Культуру на языке идиш, сдиптвенную разрешенную в СССР форму еврейской национальной жизни, фактически запретили.

Почему Платнеры не уехали в Польшу сразу после войны, как поступали многие польские евреи, пользуясь межгосударственным соглашением между СССР и ПНР? Только потому, что не хотели еще раз испытать долю эмигрантов? В Польше не задерживались, там хватало своих антисемитов, да и советские порядки, которые при Сталине насаждали в странах «народной демократии», там были не слаще. Оттуда многие двинулись дальше, в Палестину. Но Айзик искренне надеялся, что еврейская жизнь в Белоруссии после ужасов Холокоста обязательно наладится. Не дождался...

Айзик был настоящим патриотом. После исключения из Союза писателей в 1937 г. он не опустил руки. В 1939 г. перевел с немецкого на идиш «Сказки братьев Гримм», сделал для Минского ГОСЕТа обработку пьесы Аврома Гольдфадена «Дер фанатик, одер цвей Куни-Лемлех» («Фанатик, или два простофили»). В 1940 г. даже вышла книга его стихов «Солнце на пороге».

С началом войны Платнеры эвакуировались в Мордовию, жили в Саранске, Айзик работал в радиокомитете. Осенью 1942 г. семья переехала в Ярославль, где он тоже работал на радио. Вернулись Платнеры в Минск в сентябре 1944 г. Казалось, все налаживалось. Новые произведения поэта рассказывали о страданиях евреев в годы войны и об их героической борьбе. В 1947 г. вышла книга стихов Платнера на идиш «С любовью и верой», а в 1948 г. – в переводе на белорусский язык книга стихов «Сваей краіне» и сборник повелл «Самае дарагое». И тут арест...

ТРЕТЬЯ ВСТРЕЧА

Еще через два года, во время очередной командировки в Белоруссию из Израиля, мне удалось получить следственное дело Айзика Платнера. В постановлении на арест от 8 июня 1949 г. говорилось, что Исаак Хаимович Платнер, 1895 г. р., уроженец Польши, еврей, прибыл в СССР из Америки как иностранный ту-

рист. Вспомнили, что Айзик когда-то был членом «Поалей-Цион», делегатом сионистского конгресса в Вене (1919 г.). На этом основании ему приписали воспевание сионизма, обвинили в антисоветской националистической деятельности и шпионаже в пользу американской разведки. Поэт, якобы по заданию Михоэlsa и ЕАК, пересылал в США свои произведения, в которых извращал советскую действительность, клеветал на состояние советской культуры в БССР, на партийные и советские органы, которые будто бы препятствовали развитию еврейской культуры в республике.

Страшнее обвинения нельзя было придумать. Следствие длилось более года и завершилось приговором – 25 лет каторги. В 1955 г., находясь в лагере Тайшет в Иркутской области, Айзик написал в Главную военную прокуратуру СССР, Президиум ЦК КПСС и Союз писателей СССР. Он писал, что все обвинения против него построены на лжи и клевете. Работники МГБ ходили за ним, как тени, подсылали провокаторов, а после ареста оскорбляли и запугивали. Тогдашний министр госбезопасности БССР Л. Цанава поставил условие: «Если скажешь то, что мы требуем, будет лучше. Иначе заберем твою семью!». Следователи не давали ему спать, избивали до потери сознания и принуждали оклеветать себя и других. Айзик писал: «Я не изменял Родине, я радовался ее успехам и достижениям, трудился в тылу во имя победы над фашистами. Мне уже 60 лет, я физически разбит (прошу это не оплащать, чтобы не огорчать семью). Не допустите, чтобы акт несправедливости и беззакония оставался в силе!»

ЧЕТВЕРТАЯ ВСТРЕЧА

Мне довелось познакомиться и еще с одним документом. По иронии судьбы вскоре после смерти Сталина имена А. Платнера и Л. Цанавы оказались рядом в секретном «Списке политической вредной и устаревшей литературы», подлежащей изъятию и уничтожению», который рассылался Главлитом (Главным управ-

лением по делам литературы и издательств при Совете Министров БССР) по библиотекам страны. Разумеется, никто, кроме компетентных инстанций, о таком совпадении не догадывался.

Дело в том, что вскоре после смерти Сталина Лаврентий Цанцава (Джангава), доверенное лицо Л.П. Берии, державший в страхе всю республику, сам оказался за решеткой. Начиная с 1953 г., все упоминания о нем, его портреты и книги, включая подписанный его именем двухтомник «Всенародная партизанская война в Белоруссии против фашистских захватчиков», были запрещены.

Справедливость была восстановлена только летом 1956 г., когда после кампании реабилитаций Главлит разослал «Список авторов, все произведения которых возвращены читателям» – всего 58 имен, в том числе, Айзик Платнер. Таких списков потом стало много.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

В 1956 г. Айзика Платнера освободили из лагеря с формулировкой «за недоказанностью обвинений». Он вернулся в Минск и, несмотря на тяжелую болезнь, плодотворно работал. В 1957 г. вышли книга его стихов в переводе на белорусский язык «Соль жыцця», несколько книжек для детей: «Мой агарод», «Палаючае сэрца», «Вяселая іголка». В последние годы Айзик писал о друзьях – Зелике Аксельроде, Гирше Каменецком, Эли Кагане, Мойше Кульбаке. Переводчиками его стихов и прозы были белорусские писатели М. Аврамчик, Э. Агнецвет, Р. Бородулин, П. Глебко, В. и Л. Вольские, Н. Кислик, П. Макаль, А. Звонак, М. Лужанин, М. Хведарович, Н. Чернушевич и другие. На русский язык Платнера переводили П. Антокольский, Ю. Вронский, Л. Озеров, П. Кобзаревский, Я. Хелемский, Е. Аксельрод, Д. Бродский, А. Белов, Ф. Якобсон, В. Гушнова, А. Гангов.

Поэт скончался 26 июля 1961 г. С этого времени и вплоть до «перестройки» произведения Платнера и его собратьев по еврейскому творческому цеху почти не печатались. Официальные запре-

ты сменила отговорка – «нет денег». Вдова поэта издала несколько книг мужа: «Дар сэраца» (1962), «Песні пра хлеб» (1986), ряд книжек для детей. В журнале «Неман» (№ 11, 1986) была опубликована в переводе на русский язык его повесть «Из-под земли». В 90-е годы в нескольких номерах журнала «Идише культур», выходящего в США, были опубликованы подборки его стихов, а в Израиле в 1997 г. в детском журнале на идиш «Кинд ун кейт» под редакцией Бориса Сандлера – его детские стихи.

Книга, которую читатель держит в руках, по-своему уникальна. Скупые строчки о биографии и творчестве Айзика Платнера можно найти в литературных энциклопедиях и справочниках разных стран. Все они, в основном, повторяют одно и то же, формально и, по суги, верно. Но только познакомившись с воспоминаниями Джессики Платнер, читатель приоткроеет для себя трагедию поэта и его семьи.

У Джессики Платнер прекрасный слог, хотя она не считает себя литератором. Читатель, конечно, оценит ее умение подметить характерную деталь и описать ее, чувство юмора, неподдельную искренность и задушевность. Это природное, от отца, такому не научишься.

Джессика выбрала профессию биолога и почвоведа, занималась геоботаникой торфов в одном из проектных институтов Минска. Однако художественное начало в ее душе несомненно: она хорошо поет и читает стихи, любит танцевать. Но все это только в кругу своих.

Благодаря усилиям Джессики в Иерусалиме были отмечены 90-, 100- и 110-летие Айзика Платнера. Многие годы она, как преданная дочь, собирала воспоминания друзей и коллег отца. Так родилась эта книга. И вот она выходит в Иерусалиме в канун 115-летия поэта и 75-летия его автора. Мазл тов!

*Леонид Смиловицкий, доктор исторических наук,
старший научный сотрудник Центра диаспоры
при Тель-Авивском университете*